

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Лыков С.А. Процессы и институты энергетической дипломатии: структурно-функциональный анализ // Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75792 EDN: YRWRJV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75792

Процессы и институты энергетической дипломатии: структурно-функциональный анализ

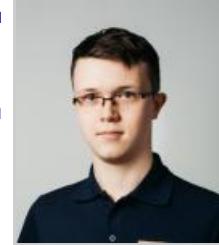
Лыков Сергей Алексеевич

ORCID: 0009-0005-1249-9122

аспирант, Сектор истории политической философии; Институт Философии Российской Академии Наук

г. Москва, Ул. Александры Монаховой, д43.к.1 8 подъезд

✉ Lykov.Degor@yandex.ru

[Статья из рубрики "Мировая политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75792

EDN:

YRWRJV

Дата направления статьи в редакцию:

02-09-2025

Дата публикации:

09-09-2025

Аннотация: Энергетическая дипломатия – одно из важнейших направлений в международных отношениях. Научное исследование этого вопроса чрезвычайно затруднено из-за его высокой политической значимости и, следовательно, ангажированности публикуемых работ. Изучение энергетической дипломатии поэтому должно проводиться с помощью структурно-функционального анализа, то есть выявления участников процессов и их задач. В статье рассматривается содержание энергетической дипломатии как вида международных отношений, рассматриваются процессы и институты энергетической дипломатии, изучается феномен лоббизма в сфере энергетики, оценивается эффективность энергетической дипломатии и её ограничения на примере отношений между Россией и Германией и Россией и Британией в энергетической сфере, оцениваются причины успехов и неудач. Изучается доверие как

один из аспектов неформальных отношений в сфере энергетики, взаимосвязь формальных и неформальных инструментов энергетической дипломатии, особенности функционирования административно-бюрократических структур. Для оценки взаимодействия субъектов энергетической дипломатии используется неоинституциональный подход и теория принятия политических решений. Выделяются институты и процессы энергетической дипломатии, указываются их функции, что позволяет прогнозировать поведение игроков, выявлять тенденции и принимать решения. Структурно-функциональный анализ энергетической дипломатии может быть использован для снижения значения ценностно-окрашенных суждений и позволяет получать нейтральное описание отношений между государствами в сфере энергетики. Энергетическая дипломатия состоит из формальных и неформальных процессов, где первые могут измеряться непосредственно по принимаемым нормативно-правовым актам и отчётом, а вторые – опосредованно, по таким проявлениям, как направления и объёмы торговли, активность некоммерческих организаций и СМИ, публичные заявления политиков. Структура отношений энергетической дипломатии включает в себя взаимодействие между международными и национальными компаниями из сферы энергетики, ключевыми потребителями, профильными государственными структурами, ключевыми политическими фигурами стран. Функции участников энергетической дипломатии – давление на лиц, принимающих решение, содействие законодательному процессу, подготовка международных договоров. Результативность энергетической дипломатии различается в зависимости от ресурсного потенциала игроков: те субъекты, которые могут оказать большее влияние на лиц, принимающих решения, будут получать более выгодные условия.

Ключевые слова:

энергетическая дипломатия, лоббизм, политические процессы, политические институты, неоинституционализм, принятие решений, структурно-функциональный анализ, группы интересов, политические элиты, политическое доверие

Введение.

Энергетическая дипломатия становится необходимой в процессе переговоров между государствами и компаниями по вопросам экспортно-импортных условий поставок энергоресурсов, электроэнергии, оборудования для топливно-энергетического сектора, а также деятельности зарубежных предприятий. На процесс таких переговоров может воздействовать множество аспектов, таких как геополитическая ситуация, состояние международных отношений, внутренняя политика, экономические показатели и противоречия интересов между экспортирующими и импортирующими сторонами. Анализ энергетической дипломатии обладает высокой научной и практической ценностью, однако объективные академические работы в этой области остаются единичными. Это связано как с важностью темы, так и с общей для общественных наук сложностью: исследования нередко косвенно влияют на изучаемые процессы, что затрудняет сохранение нейтральности.

При этом предложенный в данной работе структурно-функциональный анализ, опирающийся на аппарат неоинституционализма и теорий принятия решений, обладает значительным потенциалом для преодоления указанной субъективности. Важно подчеркнуть, что его методологическая ценность не ограничивается рамками российско-европейского энергетического диалога, который служит в данной статье ключевым, но

не исключительным кейсом. Данный подход является универсальным аналитическим инструментом, применимым для изучения широкого спектра региональных и отраслевых конфигураций — от энергетической дипломатии Китая в Африке и странах Латинской Америки до стратегий США на Ближнем Востоке и деятельности многонациональных корпораций в глобальном масштабе. Такой широкий угол зрения позволяет не только глубже понять частные случаи, но и выявлять общие закономерности функционирования институтов энергетической дипломатии в условиях глобальной трансформации энергомаркетов.

Большое количество статей и монографий, посвященных лоббизму России в Европе, имеют ярко ценностно-окрашенный и ангажированный подход, и публицистический характер, очевидный из заголовков, например «Нефтяная дипломатия. Стратегическое манипулирование и российское энергетическое управление в Евразии» (А.Н. Стульберг, 2007) [\[20\]](#), «Экономическая дипломатия Восточной политики. Происхождение энергетической дилеммы НАТО» (В.Д. Липперт, 2011) [\[14\]](#), «Принудительная дипломатия России. Энергетика, киберпространство и морская политика как новые источники власти» (Р.С. Манесс, Б. Валериано, 2015) [\[15\]](#), «Энергетические цепи России» (М. Бальмаседа, 2021) [\[6\]](#). Книга М. Озавы «Доверие и европейско-российские отношения в сфере энергетики: обеспечение энергетической безопасности» (2023) также носит скорее публицистический характер, но имеет большее преимущество перед другими изданиями, поскольку предпринимает попытки анализа отношений доверия и неформальных связей, сложившихся между Россией и другими странами Европы [\[17\]](#), с использованием теорий принятия решений, в частности, гипотез Канемана об ожиданиях и привычках [\[12\]](#).

Количество исследований в отечественной академической литературе по энергетической дипломатии и российскому лоббизму в Европе несоразмерно важности вопроса. Одной из наиболее заметных работ остаётся учебное пособие С.З. Жизнина «Основы энергетической дипломатии» (2017) [\[2\]](#), в которой рассматриваются как отношения между государствами, так и между корпорациями. Диссертационные исследования по вопросу обычно освещают либо существующие проблемы в отношениях между государствами и в отдельных регионах по вопросам энергетики, либо историю этих отношений. Попытки теоретизации энергетической дипломатии предпринимаются чрезвычайно редко. Пример теоретической работы — статья Ю.В. Боровского «Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов» (2022) [\[1\]](#).

Методология.

Изучение структуры и функций энергетической дипломатии целесообразно проводить с помощью инструментария неоинституционализма, который предполагает анализ не только правовых процедур, но и неформальных отношений. Теория Герберта Саймона об ограниченной рациональности и «удовлетворительном» принятии решения объясняет ситуации, когда результатом переговоров становится решение, для сторонних наблюдателей представляющееся субоптимальным, вопреки теории рационального выбора, предполагающей, что субъект будет располагать необходимой информацией и стремиться к максимальной выгоде [\[18\]](#). «Инкрементальный подход» Чарльза Линдблома, говорящий о преимуществе постепенных, небольших решений в условиях неопределенности, объясняет, почему многие решения выглядят незаконченными [\[13\]](#). Подход Джеймса Марча, Йохана Олсена [\[16\]](#), Майкла Хилла [\[11\]](#) и Мишеля Круазье [\[8\]](#) к

анализу внутренней неоднородности административно-бюрократических структур позволяет объяснить противоречия и промедления при принятии решений. Работы Хилла, в частности, акцентируют внимание на роли организационных процедур и стандартных оперативных практик в процессе формирования политики, что также крайне важно для понимания логики поведения бюрократических систем в энергетической дипломатии [\[11\]](#). Последовательность действий административно-бюрократического аппарата при принятии решений объясняет Джеймс Андерсон [\[5\]](#).

Таким образом, представленный теоретический аппарат будет применен в данной работе не в качестве общей рамки, но как конкретный аналитический инструмент для интерпретации эмпирического материала. В частности:

- Теория ограниченной рациональности Г. Саймона будет использована для объяснения кажущихся неоптимальными решений в переговорах, когда стороны действуют в условиях информационного дефицита и когнитивных ограничений [\[18\]](#).
- Инкрементальный подход Ч. Линдблома послужит для анализа процессов принятия поэтапных, «малых» решений (например, пошаговое развитие инфраструктурных проектов), которые зачастую не приводят к финальной и идеальной точке, но являются адаптацией к неопределенности [\[13\]](#).
- Подход М. Круазье [\[8\]](#), Дж. Марча и Й. Олсена [\[16\]](#) к анализу бюрократических систем будет применен для выявления и объяснения внутренних противоречий и конфликтов интересов как внутри национальных правительств и Еврокомиссии, так и между государственными и корпоративными структурами, которые напрямую влияют на исход энергетической дипломатии.

Такой операционализационный подход позволит перейти от описания событий к их глубокому причинно-следственному анализу, раскрывая логику принятия решений, стоящую за внешними фактами.

Институты и процессы энергетической дипломатии.

Торговля энергоресурсами между государствами имеет глубокие исторические корни: ещё в Средневековье и в Новое время Англия поставляла уголь во Францию. Промышленная революция, сопровождавшаяся резким ростом потребления энергоносителей, усилила зависимость стран от международного сотрудничества. Если в конце XIX — начале XX века основой энергетического экспорта оставался уголь, то позднее к нему добавилась нефть, а во второй половине XX столетия — природный газ. Концепция «энергетической дипломатии» сформировалась параллельно с глобализацией рынка энергоресурсов и обострением конкуренции между государствами за контроль над их добычей и сбытом. Термин вошёл в обиход во многом благодаря взаимодействию Великобритании, США и стран Персидского залива в период становления нефтяной отрасли в этом регионе.

В книге «Глобальное управление энергией» (2010) энергетическая дипломатия определяется как использование внешней политики для обеспечения доступа к зарубежным энергоресурсам и развитие сотрудничества в энергетическом секторе. Энергетическая дипломатия предполагает государственную поддержку конкурентоспособности национальных энергетических компаний с помощью международных договоров. Утверждается, что энергетическая дипломатия имеет свои пределы в виде рыночных структур. В энергетической дипломатии заинтересовано и

государство по стратегическим соображениям, и госкомпании по коммерческим мотивам, причём компании могут быть инициаторами процессов. Интересы госкомпаний могут пересекаться, но не совпадать с интересами властей и общими интересами отрасли. Одна из целей энергетической дипломатии – рост присутствия на зарубежных рынках с большей нормой прибыли, которые защищены национальным законодательством. Энергетическая дипломатия зачастую предполагает приобретение инфраструктуры в счёт долгов за потреблённые ресурсы, инвестиции в развитие для доступа к ресурсам, скидки и договорённости в сфере безопасности [\[10\]](#).

Основные институты, связанные с проведением энергетической дипломатии, – это формальный и неформальный лоббизм. Формальный лоббизм возникает во второй половине XX века, многие нормы и правила в странах Европы были введены только во втором десятилетии XXI века. Формальный лоббизм предполагает участие представителей компаний-интересантов в процессе подготовки и принятия решений, в основном, в качестве экспертов, объясняющих в ходе слушаний в законодательных органах целесообразность введения тех или иных правил функционирования отрасли. Регламентация формального лоббизма подразумевает создание списков лоббистов, имеющих право взаимодействовать с представителями органов власти, отчеты о финансировании лоббистских проектов, а также отчеты представителей власти о встречах с лоббистами. Неформальный лоббизм, то есть нерегламентированное и непубличное взаимодействие лиц, принимающих решения, и представителей групп интересов – универсальный феномен, встречаемый повсеместно на протяжении всей записанной истории. Попытки ограничения неформального лоббизма, осуществляемые в США и Европе со второй половины XX века, не устранили феномен из-за неизбежного внутриэлитного взаимодействия лиц, которые по правилам не должны влиять друг на друга.

Процессы энергетической дипломатии – взаимовыгодные сделки и уступки в обмен на контракты в сфере энергетики, кампании в СМИ и публикации ангажированных экспертовых мнений, давление на лиц, принимающих решения, подготовка правовых документов и проектов решений. Применение количественных методов анализа при изучении энергетической дипломатии зачастую затруднено в связи с тем, что многие значимые решения принимаются непублично, и могут быть изучены только с ограниченной точностью на основании косвенных признаков, к которым могут быть отнесены публикации в СМИ, объёмы поставок ресурсов, участие иностранных компаний в разработке месторождений полезных ископаемых и их транспортировке.

Первый шаг для структурно-функционального анализа энергетической дипломатии – оценка ресурсной обеспеченности, потребления, экспорта и импорта в сфере топливно-энергетического комплекса, маршрутов транспортировки энергоносителей. Следующий шаг – выявление и категоризация субъектов. Изучение крупнейших игроков – государственных и негосударственных компаний, бюрократических и партийных групп и их интересов, то есть взятия и удержания власти, обеспечение доступности ресурсов и контроль над рынками сбыта. Далее оценивается нормативно-правовая база и история её формирования. Какие договоры подписаны между сторонами, какие правила регламентируют деятельность в энергетической сфере и внешней торговле. Затем рассматриваются доступные для игроков механизмы по улучшению своих условий в торге с другими игроками. Влияние на законодательство и принятие решений в стране игрока или в иностранном государстве, находящемся в сфере интересов игрока, осуществляется с помощью лоббирования, кампаний в СМИ и исследовательской литературе, давления в виде инициации протестной активности или непосредственно

силового давления и экспроприации.

Важнейшим неформальным институтом, определяющим успех или провал энергетической дипломатии, является доверие между игроками. Как показывает М. Озава, оно снижает транзакционные издержки переговоров и позволяет заключать долгосрочные соглашения, выходящие за рамки сиюминутной коммерческой выгоды [\[17\]](#). В рамках структурно-функционального анализа уровень доверия может быть операционализирован через три ключевых параметра:

1. Дискурсивный: Отражение партнера в официальных стратегических документах (как партнер или как угроза).
- 2 . Коммуникативный: Характер взаимодействия между элитами (преобладание формальных или неформальных контактов).
3. Экономический: Степень диверсификации контрактов и маршрутов поставок.

Эффективность энергетической дипломатии.

Энергетическая дипломатия, когда государство ставит задачи национальным нефтяным компаниям, может не приносить выгоды, поскольку политические риски для ведения бизнеса могут быть высокими, а прибыль – низкой, поскольку цены могут оказаться выше рыночных, а контракты могут срываться. Спор энергокомпаний с зарубежными потребителями или поставщиками может вредить внешней политике государства. Не всегда возможно наладить добычу из-за плохого инвестиционного климата, не всегда получается выкупать местных производителей и инфраструктуру из-за того, что сохраняется доступ на рынки компаний из других стран. Энергетическая дипломатия вредит прозрачности и может негативно влиять на инвестиции, когда частные компании отталкиваются большими дипломатическими контрактами, что снижает конкуренцию и повышает цены. Из-за опасений по поводу доминирования одного игрока вследствие применения энергетической дипломатии может возникать ограничение доступа к международным инструментам. Многие исследователи считают, что цены на ресурсы диктует глобальный рынок, а политически-обоснованные решения могут игнорировать экономические факторы. В период низких цен условия диктуют потребители, и использование соглашений в сфере развития или безопасности перестаёт быть привлекательным [\[10\]](#).

Ограничения и возможности энергетической дипломатии могут быть оценены на примере взаимодействия России и европейских стран в сфере энергетики. Хорошие личные отношения Брандта и Брежнева в советский период способствовали развитию «восточной политики» Германии, которая иногда вступала в противоречие с американскими интересами – вопреки запрету США, Германия экспортировала в СССР трубы, необходимые для строительства газопровода из СССР в Германию. Интересы сталелитейной отрасли Германии как потребителя энергии и экспортёра, а также немецких энергетических компаний и химических компаний, Wintershall и BASF, совпадали с заинтересованностью СССР в получении технологий и валютной выручки от продажи газа. Аналогично, хорошие отношения Шрёдера и Путина способствовали развитию проекта «Северный поток», напрямую связавшего Россию и Германию. Также доверию между странами содействовало взаимопонимание.

Применяя введённые параметры анализа доверия, можно утверждать, что его уровень в отношениях России и Германии был исключительно высоким. Это подтверждается по всем трём направлениям.

На дискурсивном уровне Россия последовательно фигурировала в ключевых программных документах ФРГ как стратегический партнер в энергетической сфере, в то время как риски, связанные с зависимостью, долгое время артикулировались слабо.

На коммуникативном уровне наблюдалось преобладание неформальных связей и личных договоренностей между политическими и бизнес-элитами двух стран, что иллюстрируется тесными отношениями Брандта и Брежнева, Шрёдера и Путина, а также глубиной взаимодействия между руководством «Газпрома» и CEOs таких компаний, как Wintershall и BASF.

На экономическом уровне обе стороны демонстрировали минимальную склонность к диверсификации, что является ключевым индикатором взаимного доверия: Германия делала ставку на дешёвый российский трубопроводный газ, а Россия рассматривала немецкий рынок как ключевой и надёжный, не развивая в полной мере альтернативные маршруты экспорта на Восток. Именно этот высокий уровень доверия, уходящий корнями в историю «восточной политики», личные связи и взаимные культурные симпатии («остальгия», опыт работы Путина в Германии), позволил сотрудничеству сохранять устойчивость даже на фоне нарастающих политических разногласий между Москвой и Брюсселем [\[17\]](#).

Данный кейс наглядно иллюстрирует действие неформальных институтов, имеющих, в соответствии с методологией неоинституционализма, не меньшую объяснительную силу, чем формальные договоры. Теория ограниченной рациональности Герберта Саймона помогает объяснить, почему обе стороны долгое время считали статус-кво (зависимость Германии от российского газа, а России — от немецкого рынка) «удовлетворительным» решением, несмотря на растущие геополитические риски, очевидные для стороннего наблюдателя [\[1\]](#). Они действовали в рамках привычной и хорошо освоенной парадигмы взаимовыгодного сотрудничества, где издержки поиска альтернатив (диверсификация для Германии, поиск новых рынков для России) казались выше потенциальных выгод. Кроме того, инкрементальный подход Чарльза Линдблома проявляется в поэтапном, «шаг за шагом», развитии сотрудничества — от первых поставок газа в СССР до строительства «Северного потока» и «Северного потока — 2» [\[2\]](#), где каждое последующее решение было лишь небольшим приращением к предыдущему, а не радикальным стратегическим выбором.

Противоположный пример показывает взаимодействие России с Британией, в которых роль доверия была невелика и преобладал коммерческий компонент. Взаимное недоверие Британии и России было связано со сложной историей отношений и геополитической конкуренцией на протяжении последних веков. Также роль России как поставщика энергоресурсов для Британии не была значительной, поскольку Британия располагала собственными энергоресурсами в Северном море, имела выстроенные договорённости со странами Персидского залива и Норвегией, а также возможности по импорту сжиженного природного газа. В свою очередь, значение Британии для России как торгового партнёра не было таким большим, как значение Германии, долгое время бывшей крупнейшим источником импорта для России, а также представленной множеством компаний, работающих на российском рынке. Россия была заинтересована в международном авторитете и компетенциях британских компаний, таких как British Petroleum, которая создала совместное с Тюменской нефтяной компанией предприятие ТНК-BP, и Shell, которая совместно с японскими Mitsui и Mitsubishi стала инвестором в проект СПГ на Сахалине. На положение британских компаний негативно повлияло отсутствие доверия между российской и британской сторонами. Shell потерял свое

положение в сахалинском проекте после того, как стоимость проекта выросла вдвое, с 10 до 20 миллиардов долларов, за тем последовал экологический скандал. ВР не подвергалась давлению вплоть до ухода с должности Джорджа Брауна, после чего из-за конфликта между ВР и российской Alpha Access Renova ВР был вынужден уступить свою долю в совместном предприятии. Конфликт сопровождался такими инцидентами, как отказ в выдаче рабочей визы новому председателю правления ТНК-ВР Роберту Дадли [\[17\]](#).

Противоположная динамика в отношениях с Великобританией идеально объясняется через призму подхода Майкла Хилла [\[11\]](#) и Мишеля Круазье [\[8\]](#) к анализу бюрократических систем. Конфликты вокруг Shell и ТНК-ВР были не только экономическими, сколько следствием столкновения несовместимых административно-корпоративных культур и отсутствия общих неформальных правил игры. Внутренняя неоднородность и конфликт интересов внутри самих корпораций и между ними и государственными аппаратами двух стран не позволили выработать устойчивые модели взаимодействия. В условиях отсутствия доверия как смягчающего механизма рациональная модель принятия решений уступила место силовой, где каждая сторона стремилась к максимальной выгоде (вопреки теории Саймона) [\[18\]](#), что в итоге привело к субоптимальным для всех сторон результатам — выходу ВР из совместного предприятия и свертыванию перспективных проектов.

Если по мере нарастания конфликта между Евросоюзом и Россией в 2010-е, Германия способствовала развитию проекта «Северный поток-2», а немецкие лоббисты содействовали тому, чтобы правила «Третьего энергопакета» Евросоюза не затрагивали импорт газа из России, то ВР вышел из переговоров по строительству последующих трубопроводов «Северный поток-3» и «Северный поток-4» [\[17\]](#). «Третий энергопакет» — пример противодействия административно-бюрократической системы энергетической дипломатии, нацеленный как на усиление переговорной позиции через увеличение спектра поставщиков, так и на контроль над взаимодействием энергетических компаний Европы и внешних игроков. Некоторые исследователи отмечают, что в иерархии международных отношений, энергетической дипломатии и национальной безопасности приоритет имеет последняя [\[1\]](#). С такой расстановкой приоритетов может быть связано принятие решений в сфере энергетики, противоречащее интересам ключевых потребителей, особенно в контексте перехода энергодиалога между Европой и Россией из сугубо коммерческой сферы в политическую [\[9\]](#).

«Третий энергопакет» ЕС является классическим примером того, как формальные институты [\[3\]](#) (законодательные акты) создаются для ограничения влияния неформальных практик (лоббизма, персональных договоренностей) [\[4\]](#). Его принятие и имплементация могут быть проанализированы через концепцию Джеймса Марча и Йохана Олсена: это результат борьбы и коалиций внутри самой «евробюрократии», где различные дирекtorаты Европейской Комиссии, а также интересы разных государств-членов (Польша и страны Балтии *vs.* Германия) сталкивались между собой. Политическая рациональность (безопасность, суверенитет) в этой борьбе одержала верх над экономической (дешевые энергоресурсы), что демонстрирует примат политических решений в условиях кризиса доверия.

Динамика торговли показывает, что эффективность российской дипломатии на энергорынках Европы можно считать ограниченной. Доля российских угля, нефти, нефтепродуктов и газа в Европе за первую четверть XXI века снизилась с 40-50% до

20% [\[19\]](#). Сила институционального присутствия американского лоббизма была умножена идеологическими и геополитическими обстоятельствами, что обнулило или снизило результаты российского лоббизма в Европе. «Сланцевая революция» в США и экспансия Европейского союза в конце XX-начале XXI века привели к сочетанию экономических и политических факторов, перевешивающих целесообразность торговли энергоресурсами между Россией и Европой. Лоббистский ресурс США оказался гораздо более эффективным как в силу наличия развитой сети лояльных корпорациям-экспортёрам и внешнеполитическому ведомству экспертов и организаций, так и из-за совокупности внешних факторов: значения американского рынка для Европы, зависимости Европы от США в сфере военно-промышленного комплекса, устоявшихся механизмов биржевой торговли и взаимной зависимости финансовых систем Европы и США, а также противоречий между интересами разных государств Евросоюза, интересами евробюрократов, энергетических и промышленных компаний Европы. Недостаточно высокие результаты российского лоббизма в Европе связаны с превосходством американских инструментов давления, но на фоне политических конфликтов неформальный лоббизм остаётся одним из главных инструментов для содействия экспорту энергоресурсов, необходимого для наполнения российского бюджета.

Заключение.

Оценка тенденций в сфере энергетической дипломатии проводится как по артикулированным игроками намерениям, так и с помощью экстраполяции существующей динамики, в том числе в сфере правоприменения. Метод структурно-функционального анализа может быть применён для изучения других сложных социальных, политических и экономических отношений, а не только в контексте энергетической дипломатии, но именно для этого направления исследований он наиболее ценен.

Важную роль в энергетической дипломатии играет противоречие между интересами бюрократических и финансово-промышленных групп, а также между интересами групп влияния из других государств. Если интересы и закрепляются в виде нормативно-правовых актов, то их исполнение может быть затруднено в силу противостоящих интересов бюрократических и финансово-промышленных групп, то есть может существовать разрыв между законами и договорами с одной стороны и фактическим взаимодействием в сфере топливно-энергетического комплекса с другой.

Именно эта особенность, когда фактическое поведение лиц, принимающих решения, расходится с правилами институтов, и привела к появлению неоинституционализма в середине XX века. Но поведение по-прежнему остаётся детерминировано структурами и их функциями. Для прогнозирования этого поведения в сфере энергетической дипломатии следует учитывать артикулированные интересы сильнейших государств и группировок, имеющих отношение к контексту взаимодействия. Для прогнозирования поведения субъектов экономической деятельности нужно оценивать доступность кредитных ресурсов, инвестиции в основной капитал, дивидендную политику и её значение. Также следует учитывать избирательные и финансовые циклы. Многофакторный анализ институтов и процессов может содействовать успешным прогнозам и экспертизе в сфере энергетической дипломатии.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, раскрывающих сущность и специфику энергетической дипломатии как комплексного политico-экономического явления.

Во-первых, энергетическая дипломатия не сводится к официальным

межправительственным договоренностям, а представляет собой гибридный институт, продукт постоянного взаимодействия и конфликта формальных правил и глубоко укорененных неформальных практик (лоббизма, персонального доверия, внутриэлитных связей).

Во-вторых, эффективность энергетической дипломатии в долгосрочной перспективе в решающей степени определяется фактором межгосударственного и межкорпоративного доверия, который зачастую оказывается прочнее и значимее сиюминутной коммерческой выгоды. Именно доверие позволяет преодолевать политические кризисы и выстраивать устойчивые цепочки взаимодействия.

В-третьих, наибольший объяснительный потенциал при анализе решений в сфере энергетической дипломатии демонстрируют теории, отходящие от постулатов классического рационального выбора. Подходы, учитывающие ограниченную рациональность (Г. Саймон), инкрементализм (Ч. Линдблом) и внутреннюю неоднородность бюрократических систем (М. Круазье, Дж. Марч, Й. Олсен), наиболее адекватно описывают ее «иррациональную» с точки зрения рыночной логики природу.

В-четвертых, предложенный в работе алгоритм структурно-функционального анализа (последовательная оценка ресурсов, субъектов, нормативной базы и механизмов влияния) является универсальным диагностическим и прогностическим инструментом. Его применение не ограничивается рамками российско-европейского энергодиалога и может быть экстраполировано на другие регионы и уровни взаимодействия, что открывает широкие перспективы для дальнейших сравнительных исследований.

Библиография

1. Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 12-39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39 EDN: NFRSVX.
2. Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2017. 158 с. EDN: UQHCEM.
3. Кавешников Н.Ю. Развитие энергетического пространства Европейского союза // Политическая наука. 2014. № 2. С. 65-88. EDN: SGGSQF.
4. Курылев К. П., Володина Е. И. Третий энергетический пакет Евросоюза. Последствия и перспективы для России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право. 2016. № 7. С. 36-39. EDN: WYRKCJ.
5. Anderson J. Public policymaking. Boston: Wadsworth, 2011. 351 р.
6. Balmaceda M.M. Russian energy chains. N.Y.: Columbia University Press, 2021. 421 р.
7. Bovan A., Vučenović T., Perić N. Negotiating Energy Diplomacy and its Relationship with Foreign Policy and National Security // International Journal of Energy Economics and Policy. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 1-6. DOI: 10.32479/ijep.8754 EDN: TEXVDI.
8. Crozier M. The Bureaucratic phenomenon. Abingdon: Routledge, 2017. 342 р.
9. Galytska K. European-Russian Energy Relations: from Dependence to Interdependence. Firenze: Firenze University Press, 2021. 136 р.
10. Goldthau A. Energy Diplomacy in Trade and Investment of Oil and Gas // Global energy governance / Ed. by A. Goldthau, J.M. Witte. Washington: Brookings University Press, 2010. P. 25-47.
11. Hill M.J. The policy process in the modern state. N.Y.: Prentice Hall, 1997. 254 р.
12. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. No. 2. P. 263-292.

13. Lindblom C.E. The policy-making process. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1980. 131 p.
14. Lippert W.D. The economic diplomacy of Ostpolitik origins of NATO's energy dilemma. N.Y.: Berghahn Books, 2011. 260 p.
15. Maness R.S., Valeriano B. Russia's Coercive Diplomacy. Energy, Cyber, and Maritime Policy as New Sources of Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 250 p.
16. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life // American Political Science Review. 1983. No. 3. P. 734-749.
17. Ozawa M. Trust and European-Russian Energy Relations: Ensuring Energy Security. Cham: Springer, 2023.
18. Simon H.A. Administrative behavior; a study of decision-making processes in administrative organization. N.Y.: Macmillan, 1957. 259 p.
19. Statistical Report on World Energy. No 75. L.: Energy Institute, 2025. 76 p.
20. Stulberg A.N. Well-oiled diplomacy. Strategic manipulation and Russia's energy statecraft in Eurasia. Albany: State University of New York Press, 2007. 365 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают структура, функции и эффективность энергетической дипломатии, с акцентом на роль неформальных институтов (таких как доверие и лоббизм) в формировании и исходах российско-европейских энергетических взаимодействий. Научная актуальность работы обусловлена растущим геополитическим напряжением на глобальных энергорынках, где традиционные подходы к дипломатии не учитывают скрытые механизмы влияния, что приводит к недооценке рисков и возможностей в международных отношениях. С возрастающей ролью энергетических факторов в международных отношениях и недостатком объективных аналитических подходов к изучению данного феномена связана необходимость преодоления субъективности и ангажированности в академических исследованиях энергетической дипломатии. Практическая значимость статьи заключается в предоставлении универсального аналитического инструмента для прогнозирования исходов энергетических переговоров, который может быть использован политиками, дипломатами и корпоративными стратегами для минимизации рисков и оптимизации сотрудничества в условиях неопределенности. Разработанная методология структурно-функционального анализа позволяет прогнозировать поведение субъектов энергетической дипломатии и может быть использована для экспертной оценки перспектив международного энергетического сотрудничества в различных региональных контекстах. В методологическом плане исследование базируется на синтезе неоинституционального подхода с теориями принятия решений, что позволяет анализировать как формальные правовые процедуры, так и неформальные отношения в энергетической дипломатии. Автор применяет ставшую уже классической теорию ограниченной рациональности Герберта Саймона для объяснения субоптимальных решений в условиях информационного дефицита, инкрементальный подход Чарльза Линдблома для анализа поэтапного принятия решений в условиях неопределенности, а также концепции Майкла Хилла и Мишеля Крозье для изучения внутренней неоднородности бюрократических структур. Применяется также метод case study при анализе опыта российско-германского и российско-британского сотрудничества. Эмпирическую базу составляет сравнительный анализ российско-германского и российско-британского энергетического сотрудничества, где операционализируется

уровень доверия через дискурсивные, коммуникативные и экономические параметры. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о предложенной трехуровневой операционализации межгосударственного доверия в энергетической дипломатии через дискурсивный (отражение партнера в стратегических документах), коммуникативный (характер взаимодействия элит) и экономический (степень диверсификации) параметры, что позволяет количественно оценивать этот ключевой неформальный институт. Кроме того, в работе доказано, что эффективность энергетической дипломатии определяется не столько формальными договоренностями, сколько гибридным взаимодействием официальных правил с глубоко укорененными неформальными практиками, причем фактор доверия оказывается устойчивее сиюминутной коммерческой выгоды в долгосрочной перспективе. Показано, что эффективность российской энергетической дипломатии в Европе ограничена вследствие институциональной слабости по сравнению с американским лоббизмом, обладающим более сильными каналами влияния и поддержаным геополитическими факторами. Наконец, по результатам исследования обоснована универсальность разработанного алгоритма структурно-функционального анализа (последовательная оценка ресурсов, субъектов, нормативной базы и механизмов влияния), который выходит за рамки российско-европейского контекста и может применяться для изучения энергетической дипломатии в других регионах мира. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность темы энергетической дипломатии, критически анализируется существующая литература и формулируются методологические преимущества предлагаемого подхода; - «Методология», где детально описывается теоретико-методологический аппарат исследования, основанный на принципах неоинституционализма и теорий принятия решений, а также раскрываются особенности их операционализации для анализа энергетической дипломатии; - «Институты и процессы энергетической дипломатии», где описана историческая эволюция концепции, анализируются формальные и неформальные институты лоббизма, а также предлагается алгоритм структурно-функционального анализа с операционализацией фактора доверия; - «Эффективность энергетической дипломатии», где проводится сравнительный анализ российско-германского и российско-британского энергетического сотрудничества, демонстрируется применение разработанной методологии на конкретных кейсах; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы о природе энергетической дипломатии и обосновывается универсальность предложенного аналитического подхода. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, ненужные точки в заголовках разделов; или использование канцеляризмов «в силу наличия», «по вопросам» и др.; или злоупотребление однокоренными словами в одном предложении, например: «...Который служит в данной статье ключевым, но не исключительным кейсом...»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «Большое количество статей и монографий, посвященных лоббизму России в Европе, имеют...», «Shell потерял свое положение...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части при критическом анализе литературы по проблемам лоббизма и энергетической дипломатии.

В числе безусловных достоинств рецензируемой статьи следует отметить методологическую строгость и аналитическую глубину. Автор демонстрирует глубокое понимание неоинституционального подхода и теорий принятия решений, убедительно операционализируя абстрактные концепции (особенно фактор доверия) через конкретные измеримые параметры, что выгодно отличает работу от описательных исследований в данной области. Исследование выходит за рамки поверхностного описания событий, предлагая комплексное объяснение логики принятия решений в энергетической дипломатии через призму ограниченной рациональности, инкрементализма и бюрократической динамики, что позволяет понять внутренние механизмы кажущихся иррациональными политических решений. В числе неиспользованных резервов для улучшения работы можно упомянуть отсутствующий иллюстративный материал.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на незначительные ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, энергетической безопасности и экономической дипломатии, для экспертов, изучающих процессы принятия решений и институциональную динамику, для аналитиков в области энергетической политики, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.